

доля в доходах – намного выше. Элита делового мира Чувашии была представлена преимущественно русскими предпринимателями, чувашская буржуазия редко достигала вершин бизнеса. Большинство лидеров делового мира занималось не только такими традиционными для региона видами предпринимательства, как скупка хлеба и яиц, винокурение, но и промышленной переработкой леса, производством мебели, олифы и спирта. В первом десятилетии XX в. определяющим явлением становится образование обезличенных капиталов в форме торговых домов, товариществ на паях и акционерных обществ.

С. В. Богданов

НЭП: НЕЛЕГАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ВЛАСТЬ

Для понимания истоков происхождения нелегальной экономики периода существования новой экономической политики (нэпа) следует обратиться к его предшественнику – "военному коммунизму". Как бы это ни казалось парадоксальным, но именно в эти самые неблагоприятные для предпринимательства и частной инициативы годы формировались первые капиталы, которым предстояло сыграть весомую роль как в легальной, так и в криминальной экономике советской России. Ведущую роль в снабжении продовольственных рынков играли мешочники. По неполным усредненным данным, в некоторых губерниях в 1918 г. мешочничеством занималось 40–50 % населения, а в некоторых селениях – от 40 до 100 % [Фейгельсон М. Мешочничество и борьба с ним пролетарского государства // Историк-марксист. 1940. № 9. С. 78–79].

Природа происхождения крупных частных капиталов сразу же после окончания Гражданской войны и периода "военного коммунизма" за редким исключением носила характер если не совсем криминальный, то полукриминальный. Безусловно, основным источником обогащения в годы, предшествующие введению нэпа, являлись коррупция, спекуляция, мешочничество, кражи, грабежи, различного рода махинации с товарно-материальными ценностями.

О мешочничестве как одной из разновидностей первоначально накопления будущих нэповских капиталом Ю. Латов пишет следующее: "Начавшись как деятельность авантюристов-одиночек, неформальное мешочничество быстро "обросло" инфраструктурой в виде стабильных полуполигальных рынков (типа московской Сухаревки), подпольных бирж, производства специальных лодок и чемоданов с двойным

дном, системы нелегального кредитования и т. д. Именно мешочники стали той едва ли не единственной социальной группой, которая выиграла от политики "военного коммунизма", накопив первоначальный капитал для легального бизнеса в период нэпа. Ликвидировав предпринимательский класс дореволюционной России, большевики, сами того не желая, создали новых предпринимателей, гораздо менее обремененных традициями "честного бизнеса" [Латов Ю. В. Теневая экономика времен гражданской войны: общее и особенное // Теневая экономика: экономический и социальный аспекты: Проблемно-тематический сборник. – М., 1999. – С. 92–102].

Мешочничество в годы Гражданской войны наиболее удачливым принесло огромную прибыль. Так, в 1918 г. в Европейской России пуд зерна или муки стоил 150–200 р., за Уралом в городах – 15–20, а в деревнях всего 6–7 р. По данным Ю. Ларина, буржуазное накопление в годы "военного коммунизма" за счет мешочничества, спекуляции, различных операций с валютой и обеспеченными бумагами составило около 150 млн р. [Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927. С. 5].

По словам руководителя Советского правительства В. И. Ленина, мешочничество, спекуляция и "черный" рынок наряду с мелкотоварным хозяйством выступали в качестве объективного фундамента возникновения новой буржуазии [Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 177; Т. 39. С. 421; Т. 40. С. 35].

Реалии нэпа способствовали легализации теневых капиталов, нажитых в годы масштабных социальных потрясений, развитию криминального профессионализма в экономике, появлению новой разновидности профессионального преступника в хозяйственной сфере. Безусловно, "нечистота" происхождения первоначальных нэповских капиталов не могла не породить у значительной части советского общества негативное отношение к нэпману как представителю возрожденного предпринимательства. Подкрепляемая официальным идеологическим неприятием частника со стороны партийных и государственных органов, данная установка просуществовала в массовом сознании практически весь период нэпа. В России, по существу, произошел почти мгновенный прыжок в стихию уже основательно подзабытых экономических преступлений рыночного типа, принципиально изменивших криминальную ситуацию в стране. Уже само существование значительной прослойки частных предпринимателей с неизбежностью порождало многочисленные экономические, социальные и политические проблемы: воздействие на цены и на уровень жизни населения, порождение бюрократизма и коррумпированности госаппарата, срыв контроля и планирования, уход от уплаты налогов и т. д. Обстановка нэпа, образ жизни "новой советской буржуазии" не могли не воздействовать на

стиль работы руководителей предприятий и советского чиновничества, не могли не стимулировать их склонности к взяточничеству и казнокрадству. Неслучайно слова "растрата" и "взятка" в 1920-е гг. оказались у всех на слуху. Нэп еще только набирал обороты, как в советской печати началась массированная кампания по дискредитации частного капитала. Большевистские газеты того времени были полны "разоблачений" "враждебной деятельности" буржуазных специалистов, руководителей появившихся частных предприятий.

Летом 1921 г. официальный печатный орган большевиков газета "Правда" писала о разгромленной так называемой "Петроградской боевой организации", которая занималась экономическим шпионажем. Профессор М. М. Тихвинский, работая управляющим лабораторным отделом главного нефтяного комитета Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), передавал информацию о положении в нефтяной промышленности Советской России за границу: им был отправлен "Доклад о бакинской нефти" в Стокгольм Нобелю. А профессор В. Н. Таганцов вместе с бывшим князем Шаховским, как отмечалось в докладе Всероссийской чрезвычайной комиссии летом 1921 г., организовали в Петрограде и Москве ряд банковских подпольных контор для реализации ценностей за границей и внутри страны [Правда. 1921. 24 июля].

В другой статье официального органа Центрального комитета РКП (б) сообщалось, что бывшие руководители Петроградского завода "Треугольник" пытались создать атмосферу экономической безнадежности вокруг главка ВСНХ – Главрезины и получить это предприятие в концессию. С этой целью группа, как неизменно указывалось, "буржуазных спецов" во главе с председателем Главрезины Е. И. Нефедовым, являвшимся техническим директором завода "Треугольник", выполняла указания одного из бывших руководителей "Треугольника" Утемана, находящегося в Гельсингфорсе, сфабриковала экономическую убыточность заводов "Проводник", "Богатырь" и "Каучук", чтобы создать условия для их закрытия. Одновременно они стремились сосредоточить как можно больше сырья и резины на складах "Треугольника", причем без всякого учета со стороны советских органов. Во избежание проверки из Главрезины неоднократно похищались подлинные документы. При обыске квартиры одного из вредителей были обнаружены две копировальные книги, куда заносились все копии донесений старым хозяевам. Последние неизменно имели заголовок: "Нашему правлению в Петрограде..." [Правда. 1921. 26 ноября, 3 декабря].

Если отбросить в сторону политическую риторику, то из данной публикации можно увидеть, что с переходом к нэпу и хозрасчету с неизбежностью возрождалась процедура банкротства для убыточных предприятий. Одновременно с законным банкротством возрождалось и криминальное (фиктивное).

Осенью 1922 г. в Москве и Петрограде, как сообщалось в большевистской печати, был раскрыт ряд валютных подпольных контор, так называемых "черных биржевиков" [Известия. 1922. 27 октября]. В связи с этими событиями В. И. Ленин в интервью корреспонденту английских газет "Обсервер" и "Манчестер Гардиан" М. Фарбману 27 октября 1922 г. подчеркнул: "На самом деле, арестованы исключительно деятели так называемой черной биржи, и в руках наших властей имеются данные, устанавливающие связь этих биржевиков-валютчиков с некоторыми сотрудниками иностранных миссий в Москве, причем эти данные подтверждают не только продажу платины, золота (слитков), но и *организацию контрабандной переправы этих ценностей за границу*" (курсивом выделено в оригинале. – Б. С.) [Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 243].

В это же самое время, по сообщениям правительственных изданий, была разоблачена деятельность подпольной группы, которая, прикрываясь легальной формой торгового посредничества, захватила торговый аппарат Орехово-Зуевского государственного текстильного треста. С целью извлечения из торговых операций наибольшей прибыли члены группы организовали собственные предприятия – "Русбалт", "Меркурий", "Продтекстиль", "Производсбыт", "Взаимная польза", на которых и скапливались товары треста, приобретающиеся накануне повышения цен. О размерах экономических преступлений можно судить уже по тому, что в 1922 г. трестом было продано государственным учреждениям товаров на 1 млрд р., тогда как лишь одному торговому обществу "Меркурий" – на 5 млрд р. [Правда. 1922. 3, 5 ноября].

В ноябре 1922 г. прекратил свое существование так называемый "Черный трест", созданный заведующим Мостабаком А. В. Спиридоновым и директором Второй государственной табачной фабрики Я. И. Черкесом. В то время как продажа табачных изделий должна была производиться в первую очередь государственным учреждениям и кооперативным организациям, "трест", состоявший из бывших табачных оптовых торговцев, получал 90 % продукции табачной фабрики, причем в лучшем ассортименте и с предоставлением 7–10-дневного кредита. При этом для сокрытия торговых оборотов "трест" вел две отчетности [Правда. 1922. 17 ноября].

Практически повсеместно в теневые торговые и посреднические операции оказывались втянутыми представители различных государственных ведомств. Однако практически с самого начала 1920-х гг. сообщения о фактах коррупции советских служащих стали списываться на счет мелкобуржуазных элементов, "просочившихся в государственный аппарат", "замаскированных врагов". Таким образом, коррупция среди советского чиновничества получила прежде всего идеологическое объяснение. Однако широкое распространение данного вида пре-

ступлений заставляет усомниться в исключительно идейных мотивах бравших взятки чиновников. Так, например, в Петрограде один крупный предприниматель, металлоторговец Семен Пляцкий создал в городе снабженческо-сбытовую контору с трехмиллионным годовым оборотом. Как выяснилось в последующем, на суде, он был связан более чем с 30 госучреждениями [Кондурушкин И. С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. М.; Л., 1927. С. 70]. Между тем, взяточничество среди государственных служащих периода нэпа являлось специфической формой приспособления к кардинально изменившимся социально-экономическим реалиям общества. Зарплата советских служащих, не входивших в номенклатурные списки, была весьма низкой, да и с точки зрения социальной защищенности их положение было незавидным. Соблазнов же поправить свое материальное положение за счет полулегальных сделок с нэпманами было очень много. К данному факту необходимо добавить многочисленные реорганизации аппарата государственного управления, которые перманентно шли на протяжении всего периода существования нэпа и, безусловно, не только вносили неразбериху, но и порождали стремление отдельных чиновников обезопасить себя на случай внезапного увольнения.

Из всех служащих, которые во второй период нэпа, в 1924–1926 гг., совершали хозяйственные преступления, было уже осуждено раньше за хозяйственные преступления примерно 80 %. Таким образом, сложился устойчивый круг хозяйственных преступников в государственных органах. Из приводимых заместителем прокурора РСФСР И. С. Кондурушкиным сведений видно, что из частных предпринимателей, дела которых слушались судами в 1924–1926 гг., состояло на государственной службе до 1921 г. 90 %. А каждое хозяйственное преступление в новых экономических условиях – это преступление в пользу частного, так или иначе с интересами нэпмана связанное [Кондурушкин И. С. Указ. соч. Таблицы].

Анализ многочисленных документов 1920-х гг., посвященных вопросам экономических преступлений, свидетельствует о том, что наиболее распространенными видами нелегальной экономической деятельности выступали контрабандная торговля, валютные и кредитные операции, создание подставных фирм для перекачки государственных средств и т. д. Кроме того, получили значительное распространение такие виды преступных промыслов, как содержание притонов, торговля наркотиками, сводничество, проституция. Так, притоны для наркоманов в городах Дальнего Востока значительно превышали число других притонов. Только по одному Приморью в 1925 г. было выявлено до 100 притонов наркомании [Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 78. Д. 36. Л. 165].

Итак, возникновение новых рыночных отношений открыло простор как легальному предпринимательству, так и широкому спектру нелегальных экономических отношений – спекуляции, контрабанде, финансовым махинациям, уходу от уплаты налогов, нелегальной экономике, взяточничеству, коррупции и т. д. [Пашин В. П., Богданов С. В. Советская Россия в 1920-е гг.: власть, социальные аномалии, общество. Монография. Курск, 2006. С. 105–120]. В целом, на протяжении 1920-х гг. происходило постоянное увеличение масштабов незаконной предпринимательской деятельности. Чем уже становился легальный частный сектор, тем быстрее развивался нелегальный. К началу 1930-х гг. теневая экономика представляла собой мощную, разветвленную, многоотраслевую систему, способную работать даже в чрезвычайно жестких условиях тоталитарного государства.

Л. В. Алексеева

**ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ ЯМАЛЬСКОГО СЕВЕРА
В УСЛОВИЯХ НЭПА И КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ЭКОНОМИКИ (1921–1929 ГОДЫ):
СИНТЕЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ**

Перемены в жизни современного Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), хозяйственное освоение края, повышение его роли в экономической сфере общества требуют изучения накопленного исторического опыта с целью его анализа и обобщения. ЯНАО входит в пятерку наиболее динамично развивающихся регионов Российской Федерации, доля округа в производстве промышленной продукции составляет 2 %, он обеспечивает четверть всех валютных поступлений в федеральный бюджет и формирует 9 % бюджета страны. По прогнозу Минэкономразвития, в ближайшие годы ЯНАО будет самым богатым регионом России по валовому региональному продукту на душу населения [Абелинскас Э. Ю. Ямало-Ненецкий автономный округ // Уральский исторический вестник. № 12. Ямальский выпуск. Екатеринбург, 2005. С. 217].

Драматическая история советского общества 1920-х гг. является в наши дни предметом многочисленных исследований, которые, вероятно, еще долго не смогут исчерпать тему. Слишком значительно влияние того периода на все последующее развитие страны и ее народного хозяйства. Ведь именно тогда были заложены некоторые основопола-